Эрнст Юнгер

Перед стеной времени

Мировое государство

Тип, название, гештальт

PHILOSOPHY

Philosophy – Неоклассика (АСТ)

Эрнст Юнгер

Перед стеной времени. Мировое государство. Тип, название, гештальт

«Издательство АСТ»
1959, 1960, 1963

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

Юнгер Э.

Перед стеной времени. Мировое государство. Тип, название, гештальт / Э. Юнгер — «Издательство АСТ», 1959, 1960, 1963 — (Philosophy – Неоклассика (АСТ))

ISBN 978-5-17-191916-0

В эту книгу вошли три эссе Эрнста Юнгера — «Перед стеной времени» (1959), «Мировое государство» (1960) и «Тип, название, гештальт» (1963), в которых автор в свойственной ему сдержанной манере размышляет на волновавшие его темы: о том, как привычные понятия — война, мир, свобода, народ — постепенно теряют прежний смысл на фоне больших исторических перемен; о том, что роль отдельных государств неизбежно меняется под действием общих мировых процессов, а также о понятии «гештальт» как способе видеть не отдельные детали, а общую картину — чтобы замечать скрытые закономерности, прячущиеся за видимым хаосом событий... В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-191916-0

© Юнгер Э., 1959, 1960, 1963
© Издательство АСТ, 1959, 1960, 1963

Содержание

Перед стеной времени 6
Нездешние птицы 6
Измеримое время и время судьбы Астрологические размышления неастролога 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Эрнст Юнгер
Перед стеной времени
Мировое государство
Тип, название, гештальт

Ernst Jünger
AN DER ZEITMAUER
DER WELTSTAAT
TYPUS, NAME, GESTALT
© Klett-Cotta – J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart, 1959, 1960, 1963
© Перевод. М. Николенко, 2023
© Перевод. С. Рюмин, 2024
Школа перевода В. Баканова, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Перед стеной времени

Нездешние птицы

1

Эта книга объединяет в себе два написанных не одновременно и к тому же тематически различных сочинения, одно из которых задает другому масштаб, в связи с чем уместно упомянуть об обстоятельствах их создания.

Работа над первой частью велась в самом начале января 1957 года – в дни особенно активного появления всевозможных астрологических предсказаний и толкований. Содержание этих прогнозов, противоречивших друг другу, в данном случае не сыграло важной роли. Однако их многочисленность сама по себе послужила поводом для размышлений.

Если в какой-то местности вдруг появляется большое количество редких или вовсе не известных животных, ни народ, ни научное сообщество не оставляют этого без внимания. Биологический вид описывают, ему находят место в общей классификации живых организмов. Возьмем, к примеру, свиристелей – пестрых северных птичек, которые иногда большими стаями залетают в наши края. Конечно же, за ними с интересом наблюдают не только профессиональные зоологи, но и просто любители природы и художники, ищущие мотивы для творчества.

Однако наблюдением дело не ограничивается. Непривычное нам животное также привлекает к себе внимание иного рода. Появление чего-то чуждого, тем более в большом количестве, не может быть чистой случайностью, и мы всякий раз задаемся вполне оправданным вопросом о причине этого события.

Прилет свиристелей в наши края обусловливается климатически: если на севере зима выдалась холоднее обычной, они дальше, чем обыкновенно, удаляются от своей родины. Специфика миграции связана со спецификой погодных условий. Это факт, позволяющий делать некоторые выводы и прогнозы. В частности, мы можем предположить, что если на севере установились суровые холода, то и мы в какой-то мере ощутим их воздействие. С этой точки зрения свиристели выступают как предвестники морозов. Они беженцы, преследуемые завоевателем. Рассуждая логически, мы можем проследить причинно-следственные связи их прилета со многими другими факторами: от солнечных пятен и космических бурь до цен на уголь и благоприятных или неблагоприятных условий для катания на лыжах.

Если же свиристель станет прилетать в нашу страну чаще, углубляться южнее и оставаться дольше, до самого лета, если он начнет вить у нас гнезда и выводить птенцов, то это будет свидетельствовать уже не просто о холодной зиме, а о масштабном понижении температур, о перемене климата, которая затронет все: от самых значительных явлений до мелочей.

То же можно сказать и о гороскопах, этих своеобразных часах, чья популярность не только непривычна для нашего мира, но как будто бы даже противоречит его законам. Составление астрологических прогнозов стало занятием настолько распространенным, что и ученые, и даже сами астрологи (наиболее добросовестные из них) относятся к нему критически. Однако такая критика не получит здесь ни подтверждения, ни опровержения. Подобно описанию внешнего вида и повадок птиц, она рассматривает явление само по себе. Нас же оно интересует лишь в качестве приметы времени и климата. Иными словами, эта книга, не касаясь

содержания астрологических предсказаний, рассматривает факт их необычайной популярности как знак, дающий основания для определенных прогнозов.

Однако вернемся к птицам. Свиристель – гость с севера. Щурка золотистая, чье оперение отличается почти тропической яркостью, иногда прилетает к нам с юга. Обе птицы считаются предвестниками беды, поскольку незнакомое, даже если оно красиво, всегда вызывает у людей недоверие. Такой консерватизм небезоснователен. Новое редко приносит счастье, даже если воспринимается как удача, как большой выигрыш. В сказках множество тому примеров. Перемены требуют в первую очередь жертв, потому что не хотят идти только проторенной тропой: их приходится заслуживать, добиваться, завоевывать. Изменению климата сопутствует акклиматизация, сопровождающаяся недомоганием, болезнями и даже смертью. Не случайно свиристеля также называют чумной птицей.

Отношение к нему как к предвестнику несчастья является, по сути, таким же пророчеством, как и установление взаимосвязи между его прилетом и холодной зимой. Что касается погодных предсказаний, то к ним наука, бдительно охраняющая свои рубежи, проявляет снисходительность, подобно тому как современный человек, имея под рукой более надежные инструменты и средства, порой все же обращает внимание на крестьянские приметы и пользуется народными рецептами. Однако название «птица-горевестник» принадлежит к отмирающему пласту, поскольку относится к предсказательной практике былых времен, многочисленные отголоски которой сохранились в старинных хрониках. В соответствии с ней появление на свет уродливых существ тоже воспринималось как знамение.

При всех отличиях современного доказательного прогнозирования от старинных предсказаний пристальное рассмотрение позволяет выявить некоторую взаимосвязь между ними. Древние мыслили не абстрактно, а образно, что, однако, не мешало им опираться на опыт наблюдений. Свиристель слыл предвестником войн и эпидемий – эти беды действительно могли являться следствием чрезмерно долгой и холодной зимы: из-за того, что мороз уничтожил посевы, народ вторгался на территорию южного соседа. Начиналась война, которая, в свою очередь, провоцировала вспышки заболеваний. Таким образом, прилет свиристелей в самом деле оказывался предвестником беды. Между тем это одна из тех примет, что сегодня кажутся нам ничем не мотивированными.

Методика, продемонстрированная в приведенном примере, *не* будет использоваться здесь. Исключение составят лишь те случаи, когда возникнет необходимость в выявлении морфологического сходства между двумя стилями мышления. Ученые и астрологи подчас мыслят очень близко, а гороскоп напоминает часы. Основанием для сравнения всегда служит нечто третье, господствующее. (Кит тоже похож на рыбу, но внешнее сходство обманчиво. То, что их роднит, находится не в них самих, а в третьем элементе, как бы мы его ни назвали – просто морем или нептуническим духом и его влиянием.) В данном случае не следует упускать из виду того факта, что речь идет о двух моделях. Человеческий ум может прослеживать логические связи лишь до той точки, где логика вынуждена уступить силе очевидности и потому совершает перескок или отклоняется в сторону.

Этот переломный момент, о котором здесь пойдет речь, есть великая тайна времени. Переломы происходят там, где что-то обретается. Даже смерть – перелом, а не конец. В данной связи уместно употребить слово «источник». Предположим, ум долго боролся с неким противоречием и вдруг сумел его разрешить. В таком случае борьба находится во времени, разрешение – вне. Оно подобно искре между двумя противоположно заряженными электрическими полями.

Тридцать лет назад я попытался описать это явление в эссе «Сицилийское письмо лунному человеку», где показал, что Луна может рассматриваться не только с точки зрения астрономии, но и с точки зрения мифа, а ее поверхность обладает не только измеримыми физическими свойствами, но и физиогномическими характеристиками. Оба ее качества могут быть

объединены человеческим умом, если у него хватит на это сил. Совершается прыжок, то есть скачкообразное возвращение к истоку, и из зрительного наложения противоположностей стереоскопически вырастает новое измерение, в котором они не только пространственно объединяются, но и поднимаются на более высокий качественный уровень.

2

Как уже сказано, поводом к написанию этой, первой, части моей книги стало появление большого количества гороскопов, сопровождаемое оживленной полемикой между сторонниками и противниками астрологии. Эти споры вокруг переломного момента представляют собой полезную пищу для размышлений – безотносительно к результату, сами по себе, как зрелище. Они напоминают борьбу двух жильцов, один из которых занимает весь дом, а второй – только верхний этаж. Наша наука запросто и без ущерба для своего статуса укладывается в астрологическую систему, обратного же не происходит. Это наблюдение уже достаточно ценно, поскольку мы нуждаемся в сдерживающих рамках для нашего технически абстрактного мира, который, становясь все более и более независимым, не может сам поставить себе границы.

Такова предпосылка, послужившая исходным пунктом для небольшого исследования, изначально предназначенного для моего собственного использования, – «Измеримое время и время судьбы. Астрологические размышления неастролога».

Через год, в первых числах января 1958 года, я перечитал написанное и добавил кое-какие замечания, навеянные разговорами и перепиской на астрологические темы. Мне было ясно, что к существующему зданию следует пристроить комнатку или эркер, откуда просматривались бы большие отрезки времени, для оценки которых наш исторический опыт слишком эфемерен, наши документы слишком новы. Возникает потребность в метаисторических мерилах – в таких, например, какие предлагают нам археология, зоология, геология и астрономия, воспринимаемые исторической наукой как некий вестибюль, предназначенный лишь для того, чтобы быстро через него пройти.

То, что и они являются частью истории, поскольку мы здесь и сейчас находимся во власти мифических, прачеловеческих, зоологических, геологических и астрономических процессов, пока не представляется очевидным, хотя и начинает отражаться на отдельных областях знания и просто на текущих событиях нашей жизни. На это указывает, в частности, возрастающая значимость метеорологии не только в отношении краткосрочного прогнозирования, но и в свете теорий больших циклов. Наконец она заявляет о себе как наука, чья связь с предначертанными судьбой событиями становится все более и более тесной. Это один из знаков, указывающий на то, что историческое здание дает трещины. Ниже мы поговорим об этом более подробно.

Попытки приобщить к человеческой истории новые, так сказать, космические элементы могут быть восприняты как угроза разрушения исторической науки, и не без оснований. Но если необходимость в таких попытках назрела, то не значит ли это, что разрушение уже идет, причем разрушается сам исторический мир в его привычном понимании?

Именно об этом и следовало задуматься во второй комнате, у «стены времени». Оказалось, что переломный момент – это скорее окно, нежели дверь. Окно, позволяющее увидеть новый ландшафт. Или упавшую стену.

Для того же, чтобы совершить первую короткую прогулку по открывшейся нам местности, необходимы были начальные соображения, способные послужить и мерой расстояния, и посохом.

Астрология обладает тремя существенными преимуществами для обозрения метаисторических промежутков времени. Во-первых, она охватывает максимально обширное пространство – вселенную. Во-вторых, она использует самые большие и притом наиболее точные часы, ход которых лежит в основе всех систем измерения времени, – космический цикл. И наконец,

она имеет круговую шкалу, деления которой обозначают качества, а не равные промежутки чего-то количественно измеримого. Не время монотонно разметило этот циферблат. Напротив, часы ориентируются по нему, следуя друг за другом, но не уравниваясь между собой. Таким образом порождаются мощные, глубокие образы. Сочетание всеохватности, точности и полноты создает оптимальные условия для наблюдения за временем. Любая земная хроника не только берет здесь начало, но и приобретает устойчивую меру.

Из сказанного вовсе не следует, что астрологию нужно ценить за то, чем она чаще всего привлекает людей, а именно за толкования и прогнозы. Речь идет не столько о выигрыше, сколько о знании правил игры. Предсказывание судьбы само по себе, вне зависимости от верности результата, дарит человеку большое утешение. О правильности астрологических мер можно спорить, тем не менее они способны составить конкуренцию десятичной системе. Впрочем, нас мало беспокоит тот факт, что метр не есть одна сорокамиллионная часть Парижского меридиана, как некогда утверждали ученые французской обсерватории. Это фикции мира чисел.

3

Уместно сделать еще одно замечание: в этой работе иногда встречаются цифры и слова из школьных учебников, такие как «меридиан», «каменный век», «ген», «мутация». Однако здесь они употребляются по принципу сходства понятий, а не в строгом терминологическом значении и в каждом случае могут приобретать новый смысл.

Эти слова неудобны тем, что они, как и непристойные выражения, несут на себе глубокий отпечаток воли говорящего. В них слишком силен элемент убеждения. Поэтому они быстро надоедают человеческому уму и меняются, как патентованные лекарства, – с каждым поколением. Лишь ретроспективный взгляд снова делает их приемлемыми.

Это, конечно же, справедливо только по отношению к такому языку, который не использует слово как простое средство коммуникации и не довольствуется численной точностью выражения. Мы не можем согласиться с Готфридом Бенном в том, что *terminus technicus* уместен даже в поэзии. Эта точка зрения соответствует крайне шаткой пограничной позиции, почти капитуляции.

Рвение, с каким человек использует подобные слова, во все времена считалось признаком высокого ума, что обусловливает привилегированное положение специалистов. Если кто-то взялся описывать лес, он не может запросто вступить в дискуссию со знатоками цецидий, кротовых нор и способов борьбы с майским жуком. Прежде всего желательно признать авторитет этих умов.

Впрочем, лес здесь ни при чем. Намерение описать его свидетельствует о некоем качестве, независимом от знаний в соответствующей предметной области. Даже неважно, насколько правильным будет описание. Сумма верных утверждений еще не истина, множество листков – это в лучшем случае книга, но не дерево.

Итак, если скептицизм в отношении естественных наук и можно иногда считать допустимым, то воспринимать его следует *cum grano salis*[1]. Колоссальная умственная работа, проделываемая как отдельными учеными, так и целыми научными коллективами, свидетельствует в свою пользу, изменяя мир. Вероятно, так заявляет о себе новый монашеский орден, который Иоахим Флорский[2] провозгласил движущей силой эры духа.

---

[1] *Букв.* «с крупицей соли» *(лат.),* т. е. с осторожностью, не безоговорочно. – *Здесь и далее примеч. пер. и ред.*

[2] Иоахим Флорский – блаженный католической церкви, итальянский богослов XII века, монах-цистерианец, основатель Флорского монастыря (Сан-Джованни-ин-Фьоре), который стал центром одноименного ордена, позднее воссоединившегося с цистерианским.

Как бы то ни было, нет никаких оснований полагать, что острый ум не может принадлежать большому человеку. Напротив. В таких случаях человеческое только выигрывает. Сила духа способна проявлять себя не только количественно, в рамках определенной научной дисциплины, но и качественно. Крупному физику ничто не мешает быть также хорошим метафизиком, и тому есть примеры. Накопленные знания в той или иной предметной области сами по себе ничего не гарантируют.

Если воспринимать калькулирующий разум как атрибут совершенствования жизни на Земле, как некую зоологическую характеристику, это не будет умалять достоинств его носителя. Однако не приходится сомневаться в том, что растения и животные тоже не лишены такого интеллекта. Стоит приглядеться к их жилищам и повадкам, как это делалось в XIX веке, в эпоху расцвета зоологии, и мы увидим последовательный переход от их ума к нашему. О том, что происходит в животном мире, мы постепенно узнаем по мере развития науки. Исчерпывающим наше знание не будет никогда. В те времена, когда людей еще не существовало, летучие мыши уже использовали ультразвук.

Но вспомним это короткое стихотворение:

Различны линии бегущей жизни,
Как бы границы гор или дороги.
Что здесь неполно, там восполнят боги,
Мир даровав и водворив в отчизне[3].

Эти строки – не следствие поступательного перехода от животного к человеку, а результат скачка, преображения, глубочайшего единения с миром. Такому нет объяснения.

Мы не можем согласиться с Освальдом Шпенглером, призвавшим молодое поколение «обратиться к технике вместо лирики, к кораблям вместо морских пейзажей и к политике вместо критики познания», хотя перед совершением скачка действительно нужно отказаться от избыточного. Выказывая большее или меньшее сопротивление, мы все должны были это сделать. Но поэзия относится к сущности человека, а не к багажу. Она – его удостоверение, его отличительный признак, его пароль.

[3] *Гёльдерлин Ф.* Линии жизни / перевод С. С. Аверинцева.

Измеримое время и время судьбы
Астрологические размышления неастролога

4

Масштабность вторжения астрологии в нашу повседневную жизнь позволяет предположить, что мода – не единственная причина этого явления. Мы встречаем астрологические сведения не только в календарях и постоянных рубриках популярных периодических изданий, но даже в объявлениях. Вне зависимости от того, верим ли мы в гороскопы, невозможно поспорить с тем фактом, что астрология получает все более и более широкое признание и, следовательно, влияет на нас. Сегодня почти каждый знает, к какому знаку зодиака он относится, то есть осведомлен о том аспекте своего бытия, который еще недавно ничего или почти ничего не значил для большинства людей.

Вторжение астрологии встречает сопротивление. Аргументы ее противников так же стары, как и она сама. Сначала ей противостояли теологи, затем философы, сегодня главные ее противники – ученые. Их журналы изобилуют статьями, осуждающими «бесчинство астрологии», которая, как они доказывают, не только не является наукой, но и просто противоречит всякой логике и посему не может восприниматься всерьез.

Здесь мы еще отчетливее, чем в учении о цвете[4], видим две несовместимые друг с другом позиции. Однако, если доказать, что шахматы не наука, какое это будет иметь значение? Перестанут ли шахматные комбинации свидетельствовать об остроте человеческого ума? Закроются ли шахматные клубы? Шахматы, как и астрология, не являются ни наукой, ни искусством. Это именно игра, любимая множеством людей. С астрологией ее объединяет еще и то, что ее фигуры делятся на типы, каждому из которых предписаны определенные движения.

Астрологии присущ также гадательный характер: она предсказывает и истолковывает судьбу, таким образом сближаясь с другими играми: рулеткой, колесом фортуны или угадыванием будущего по выпавшим знакам. В древности для этой цели служили, в частности, буквы, что отразилось в самих словах *Buchstabe*[5] и *lesen*[6]. Тацит пишет, что германцы гадали, сначала бросая, а затем собирая палочки, помеченные рунами. Подобная гадательная практика до сих пор применяется (или до недавнего времени применялась) в Китае. Аналогичную природу имеет ауспиция – наблюдение римских авгуров за поведением птиц с целью предсказания грядущего.

Отличие же астрологии от игр и гаданий в том, что она не только имеет в своем распоряжении систему полей и знаков, но и организует эти знаки периодически: они приходят, уходят, возвращаются и устанавливают время в соответствии с определенным исчислимым порядком. Здесь мы наблюдаем издревле привычное вращение большого колеса, дающее человеку чувство уравновешенности, уюта и защищенности. Небесный свод все еще высится над нами, и знаки перемещаются по нему математически вычисляемым образом. Изменчивая судьба привязана к неколебимо ровному ходу мировых часов – вот в чем заманчивость астрологии, вот благодаря чему она пережила другие древние гадательные практики.

---

[4] Аллюзия на книгу И. В. Гёте «Учение о цвете», в которой поэт выступает как естествоиспытатель и философ: полемизируя с Ньютоном, он анализирует не столько оптический спектр сам по себе, сколько его восприятие человеком.

[5] По одной из версий немецкое существительное *der Buchstabe* («буква») происходит от двух слов: *die Buche* («бук») и *der Stab* («палка»).

[6] *Lesen* – «читать» и *lesen* – «собирать, перебирать» – слова-омонимы, вероятно, исторически взаимосвязанные.

Этой особенности сопутствует такое толкование положения небесных тел, которое требует выдающейся силы ума, причем не только рационального. В отличие от картины на шахматной доске, гороскоп не является результатом ряда последовательно совершаемых комбинаций. Он представляет собой изображение мирового колеса, зафиксированного в месте и в момент рождения человека. Таким образом человеческое бытие определяется тем, что не зависит ни от воли, ни от таких величин, как раса или наследственность. Важны лишь место и час нашего прихода в мир. Причем имеется в виду не этот мир с его благами, но собственный дом, предназначенный звездами. Новое колесико начинает предписанное ему движение внутри огромного круговорота. Гороскоп человека – отражение мировых часов. В соответствии с их положением устанавливается закон, подчиняясь которому жизнь будет «течь по руслу к прирожденной цели»[7].

Звездное небо – зрелище не просто познавательное и вдохновляющее. Оно обозначает для нас границы нашего разума и наших возможностей; подтверждая это, можно бесконечно цитировать великих. В созерцании звезд есть нечто мистическое в лучшем смысле слова. А то, что ночные светила кажутся нам зловещими, объясняется человеческим характером. Как и основанная на таком восприятии привлекательность астрологии для множества людей. Человек издревле ценил свое здесь-бытие *(Da-Sein)*

[7] *Гёте И. В.* Первоглаголы. Учение орфиков / перевод С. С. Аверинцева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.